

Российская газета

ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

«Кровь слаще меда»

Гений, мистификатор, шарлатан...
И это все — об одном человеке

Родной город, отринув чудачества и сумасбродные выходки земляка, вычленив главное — фантастический талант, — удостоил Дали Золотой медали. Король Испании Хуан Карлос и королева София приехали в Фигерас на открытие театра-музея экстравагантного живописца. Папа римский одалжил мятежника прочувственными словами. Великий выдумщик Уолт Дисней, побывав в Фигерасе, позавидовал переплонувавшему его фантазеру...

И до, и после поездки в Испанию, в Фигерас, я занимался совершенно неблагодарным делом, пытаюсь влезть в его мир, хоть отчасти понять неповторимого изобретателя, домыслить хитросплетения, разбросанные на его полотнах, раздражавших, а то и оскорблявших также вкусы эстетов.

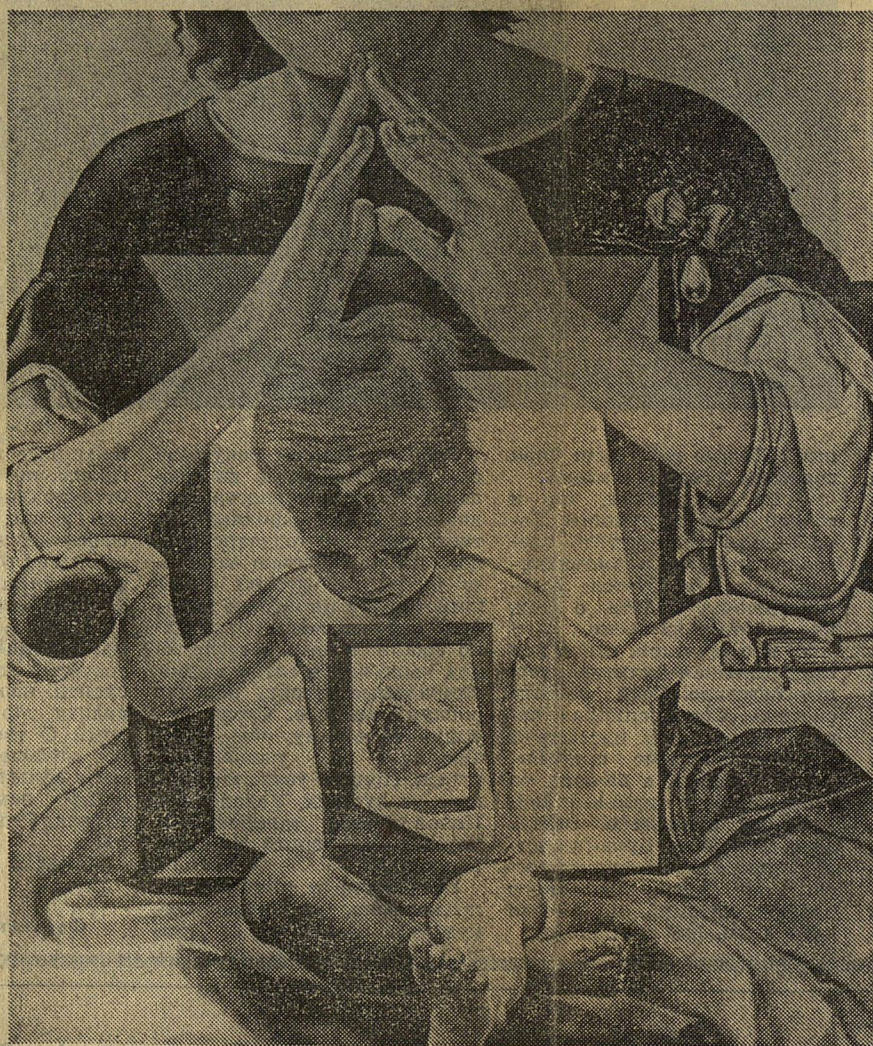
«В шесть лет я хотел стать кухаркой, в семь — Наполеоном, — вспоминает художник в своей книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим». — С тех пор мои амбиции неуклонно росли».

Первые работы Дали выполнены в реалистической манере, в них нет и намек на будущую экстравагантность. Хотя желание ошеломлять, страсть ко всему необычному зрела у него в душе уже в детские годы. Положение семьи (отец — состоятельный владелец нотариальной конторы) этому способствовало. Только у Сальвадора в колледже при монастыре братства Пресвятой Девы в Фигерасе были ботинки с серебряными пуговицами, матроска с вышитым золотыми нитями морем и неперенный термос с горячим шоколадом. «Не зря дети любят надавливать пальцами на глаза, — продолжает Дали в своей книге, — а когда перед глазами начинают плавать цветные круги, говорят, что «видели ангелочков». Не замечая боли, они все сильнее давят себе на глаза затем только, чтобы воскресить свои внутриутробные видения и хоть на миг погрузиться в тот дивный мерцающий мир потерянного рая».

Можно, по-моему, этот поток сознания продолжить так: Дали всю свою жизнь давил себе на глаза. Вель еще ребенком он устроил мастерскую в... ванной, поставив туда стул. Не отрываясь от кисти, принимал душ, чувствуя себя королем. Вряд ли так замечательно обстояло на самом деле, но у Сальвадора, как заклинание повторявшего: «Я — Сальвадор, я — Спаситель (так переводится с испанского его имя), детский нарциссизм зрел именно тут, в ванной, его королевской башке из слоновой кости, чтобы позже засиять всеми цветами и оттенками неистовой эксцентричности.

— Сеньор Сальвадор был страшным трудягой, он работал всегда, день и ночь, — говорит донья Пакита, прислуга, домоправительница Дали.

Ее муж Артуро служил у великого художника дворником, телохранителем и шофером одновременно, а в

Сальвадор ДАЛИ. «Мадонна. Порт Льигате». Фрагмент (1950 г.).

последнее время еще и пробовал подаваемую маэстро еду: Дали панически боялся отравиться.

Огромная работоспособность художника во многом искупала его чудачества. Его скандальные выставки вызвали разные чувства, вплоть до гнева, но равнодушным не оставался никто.

Донья Пакита каждый день приходит убирать родовое гнездо живописца, скромное жалованье выплачивает ей «Фонд Дали». По сути Фигерас превратился уже в мемориал Сальвадора Дали, о чем всегда страстно мечтал мэр города Лорка — однофамилец гениального поэта. Хотя тем, кем стал великий бунтарь Дали на самом деле, он обязан не Фигерасу, а столице Испании.

Крутой поворот к бунтарству, сюрреализму произошел у него в Мадриде, куда Дали приехал учиться в школу изящных искусств. Общение с бунтарями словно дрожжи поднимало в нем заложенную с рождения убежденность в собственной неповто-

римости, а первый успех будоражил воображение. Больше всего Сальвадор опасался выглядеть слабым, похожим на других. Даже в парикмахерской, завернутый в простыню и обсыпанный лохмами черных волос, он грезил себя королем в горностаевой мантии...

Так зрела убежденность, переходящая в маниакальную веру: мне нет равных в мире, а потому могу выкинуть что угодно. Тихий, прилежный студент напوماживает волосы и покрывает их мебельным лаком так, что по прическе впору стучать словно по барабану. Он догоняет приятеля на улице и, давая выход бьющим через край эмоциям, кричит, шокируя товарища и прохожих:

— Кровь слаще меда!

В Мадриде Дали сошелся с Федерико Гарсиа Лоркой — тот старше его на пять лет. Молодому Дали созвучны мысли Федерико, выраженные им в столичном Лицеум-клубе в 1928 году: «Как настоящий поэт, которым я останусь до могилы, я никогда не пе-

рестану сопротивляться любым правилам в ожидании живой крови, которая рано или поздно, но обязательно хлынет из тела зеленой или янтарной струей. Все что угодно — лишь бы не смотреть неподвижно в одно и то же окно на одну и ту же картину. Светоч поэта — противоборство».

Я убежден: дальнейший разрыв с Лоркой произошел у Дали не случайно: он не мог видеть рядом с собой человека равного, а может, превосходящего его по таланту. Ну а кровь, живую кровь творчества, созидания, оба они предпочитали всем радостям жизни. Кровь, которая слаще меда.

Можно ли понять и осмыслить окружающее — спрашивали сюрреалисты и отвечали: нет, нельзя. Дали считался одним из столпов сюрреализма, и тем не менее развита скрыта для понимания такая его известная картина, как «Открытие Америки Христофором Колумбом»? На холсте кресты-мачты, кресты-копья, кресты-мечи. Кресты в небе и на парусах каравеллы. Таким видится художнику открытие Америки — крестом и мечом. И лик Гала на одном из стягов.

В судьбе Дали огромную роль сыграла его жена Гала — Елена Дмитриевна Дьяконова, русская по происхождению. Гала всю свою долгую жизнь вдохновляла художника, ей посвящены многочисленные портреты, ее лицо присутствует в десятках композиций — в облике святой, Леды, Гала с омаром, атомная, обнаженная. Даже подписывал свои последние работы живописец особо: «Гала Сальвадор Дали».

Гала для Дали была тем же, что и в извечном сюжете: Петрарка и Беатриче, Пушкин и Натали, Тургенев и Полина Виардо. И на обложке недавно вышедшей в Москве книги «Сальвадор Дали: миф и реальность» они вдвоем — на первом плане живописец у холста, за ним — его тень и божество.

Смерть разлучила супругов, Гала погребена в склепе замка Пуболь общины Ла-Пера. Сальвадор Дали — в Фигерасе, хотя всегда выражал желание покоем с любимой женой. Но незадолго до смерти, когда жизнь художника уже поддерживало только искусственное питание, он вдруг шепнул на ухо мэру Фигераса Лорке свое новое желание — похоронить его на родине. Разве откажешь столь уважаемому человеку, как мэру, в честности?

...Впервые я услышал имя Дали четверть века назад в московской коммуналке на Дровяной площади у художника-кинетиста Владимира Янкилевского. Володя сейчас живет и пишет свои удивительные картины в Париже (в прежние годы его страсть к кинетизму, Кандинскому отнюдь не поощрялась), посвящая многие из них своей жене Римме Солод, сыгравшей в его жизни ту же роль, что и Гала для Дали. Тогда, много лет назад, мы говорили о великом мистификаторе и мятежнике вроде в полный голос, но все равно с оглядкой. Точно так же за одну ночь я прочитал на кухне «Архипелаг ГУЛАГ», переснятый на слеповой фотобумаге.

Сегодня каждый из нас при желании может почитать книги Солженицына или перелистать альбом Дали. Вот и я брожу по Фигерасу и пытаюсь понять, почему тот длинноволосый нескладный юноша выкрикивал на мадридской улице: «Кровь слаще меда!»

Александр БАТЫГИН.

Барселона — Фигерас — Москва.